

Двенадцатое число шестого лунного месяца.

Яростные штормы, ураганы и прочая непогода за считанные дни сошли на нет. Море Юньсянь сейчас выглядело омытым дождём, бирюзовым и чистым, мягким и безмятежным. Белые облака, подобные тончайшим цикадным крыльям, плыли в небе, украшая собой прекрасную гладь с рябью легкой ряби.

Однако эта красота не могла скрыть тяжёлых увечий, нанесённых ураганом «Дафу». Чем ярче светило солнце, тем сильнее резали глаз зияющая пустота на месте третьей мачты и огромная пробоина в правом борту!

Десятки мастеров по приказу капитана уже вовсю занимались починкой правого борта и изготовлением новой мачты, из-за чего вокруг не смолкал непрерывный стук, грохот и звон.

Оуян Цзиньсинь не обращал внимания на прекрасный морской пейзаж и не имел времени любоваться работой на палубе. Он тащил тяжелую бадью с дождевой водой, смешанной с бурой кровью, и с плеском выплеснул её за борт.

Эту воду матросы собрали в огромную глиняную каджу во время дождей несколько дней назад, чтобы промывать раны.

В бурю пострадали около тридцати матросов, причём шестерым потребовался особый уход из-за тяжёлых травм — переломов рёбер и костей ног.

Узнав об этом, Оуян Цзиньсинь под руководством Сюэ Уиня вместе со Старым поваром Чжао взялся за уход за ними.

Благодаря искусным медицинским навыкам Сюэ Уиня и тщательному лечению в последние дни, все тяжелораненые уже миновали критическую черту. Оуян Цзиньсинь был так безмерно рад этому, что не чувствовал усталости, каким бы тяжёлым ни был труд.

Вылив подряд две бадьи грязной воды, он даже не утруждал себя тем, чтобы вытереть пот со лба, и снова присел на корточки, продолжая полоскать бинты в деревянном тазу.

Отдыхать было нельзя не только из-за бесконечной работы и отсутствия свободной минуты — стоило в эти дни голове хоть немного опустеть, как перед глазами Оуян Цзиньсиня вновь и вновь всплывали смуглый, сосредоточенный взгляд Се Линъи, приближающийся обжигающий жар его дыхания и... удушающе крепкие объятия.

Они преследовали его неотступной тенью, от которой никак не получалось избавиться!

— Тсс! — чем больше он думал, тем сильнее злился! И тем больше запутывался. Прижать мужчину к кровати... Такое уже не объяснишь простым «наказанием». Хотя Оуян Цзиньсинь

никогда не бывал в злочных кварталах Императорской Столицы, он смутно знал, что между мужчинами тоже бывают плотские утехы.

— Неужели он и вправду хочет со мной «этого»? — Оуян Цзиньсинь толком не понимал, что именно скрывается за словом «этого», но раз Се Линьи ласкал его интимные места, это ведь и значило быть «отыметым»?

Стоило ему только осознать это, как его залило жгучей волной стыда и гнева! Он же — гордый сын премьер-министра, как какой-то мужчина может «этого» с ним сделать?!

— К тому же, даже если и «этого», сверху должен быть я, — не удержавшись, пробормотал Оуян Цзиньсинь. — Он и то выглядит намного красивее меня...

— Нет-нет! — Оуян Цзиньсинь резко опомнился, сообразив, что именно ляпнул, и покраснел так, будто вот-вот вспыхнет.

В последние дни из-за хлопот и бессонных ночей он заметно похудел. С другой стороны: бесстыдником-то был Се Линьи, почему же оправдывался и бегал от него вечно он сам?

Боялся смотреть Се Линьи в глаза, поэтому все эти дни Оуян Цзиньсинь использовал любые предлоги, чтобы сбежать из капитанской каюты. Страх? Ну, разве что капелька. Этот тип был слишком опасен. Неловкость? Конечно! Ведь тот видел его абсолютно голым во всей красе!

Но все эти причины не могли объяснить, почему стоило ему заметить Се Линьи, как ноги сами несли его прочь. Оуян Цзиньсинь замер и вдруг вспомнил Сюэ Уиня.

— Неужели всё из-за того, что я видел, как он поцеловал Се Линьи?

Мысль промелькнула и исчезла, но в груди заворочался тяжёлый ком, похожий на кусок ржавого железа. Пальцы, сжимавшие бинты, невольно побелели. Те двое были мужчинами, но когда они целовались, в этом не было ничего чужеродного или странного.

Оуян Цзиньсинь даже был готов признать, что они выглядели настолько гармонично, что для третьего человека там просто не оставалось места.

— О чём это я вообще думаю? — Сердце не только заняло от горечи, но и защипало в глазах. Оуян Цзиньсинь опустил голову и тупо уставился на рябь в тазу.

В этот момент к нему размашистым шагом подбежал Тянь Фэн.

— Слышал, тебя обидел капитан? — едва остановившись, выпалил он.

— А?! Откуда ты знаешь?! — услышав это, Оуян Цзиньсинь почувствовал, будто в голове гроыхнул гром, и какое-то время просто не знал, что ответить!

— Судя по твоему ошеломлённому лицу, слухи правдивы, — вздохнул Тянь Фэн и добавил: — Кто просил тебя игнорировать мои советы и обязательно лезть ухаживать за пиратами? Если будешь и дальше так идти против приказов капитана, дождёшься порки.

— Я лучше соглашусь на порку, — сорвалось у Оуян Цзиньсиня.

— Чего?! Капитан всего-то вылил на тебя воду и испортил одежду, а ты готов ради этого под плеть лечь? — Тянь Фэн недоверчиво уставился на него.

— Испортил одежду? — Оуян Цзиньсинь уставился на Тянь Фэна в ответ.

— Разве нет? Я только что был в кубрике, матросы именно так всё и рассказали! — Тянь Фэн подозрительно прищурился.

— А! Да-да! — Оуян Цзиньсинь закивал, а его лицо из бледного стремительно залилось краской.

Оказалось, Тянь Фэн говорил о происшествии сегодняшнего утра. Оуян Цзиньсинь, как обычно, находился в лазарете для тяжелораненых матросов, подавал им воду и менял повязки...

Когда он закончил перевязывать последнего матроса и они тихо перешучивались, в помещение вошел Се Линьи.

— Капитан! — матросы никак не ожидали появления капитана в такой час. Они мгновенно умолкли, вытаращив глаза от удивления.

— Выйди на минуту, — остановившись в шагах пяти от Оуян Цзиньсиня, произнёс Се Линьи.

— Э? — С того самого дня, как Се Линьи внезапно поднялся с кровати и ушёл, они впервые разговаривали лицом к лицу. Оуян Цзиньсинь ошеломлен. К тому же, если капитану нужно было отдать приказ подчинённому, обычно он просто присылал кого-нибудь за ним, а не шёл сам. Это заставило Оуян Цзиньсиня замяться и испугаться ещё сильнее.

— Я ещё не закончил дела, — стараясь придать лицу как можно более естественное выражение под сотнями устремленных на него взглядов, ответил он, хотя сердце колотилось как безумное, а от стоящего рядом мужчины перехватывало дыхание.

— Какие дела? — прямо спросил Се Линьи.

— Ну... — На самом деле перевязка раненых подошла к концу, и Оуян Цзиньсинь никак не ожидал, что Се Линъи станет допытываться. Запаниковав, он забежал глазами по сторонам, заметил стоявшую у полки бадью с дождевой водой и поспешно выпалил: — Мне ещё нужно вымыть пол!

— Это подождёт, подойди сюда, — сказал Се Линъи и сделал шаг ближе. К тому же его слегка царапала ревность: Оуян Цзиньсинь проводил в матросском кубрике слишком много времени.

— Н-но это очень важно! — Оуян Цзиньсинь невольно попятился.

Заметив, что Оуян Цзиньсинь явно от него ускользает, Се Линъи помрачнел и ужесточил тон:

— Ты что, оспариваешь мой приказ?

— С чего бы мне... — видя это, Оуян Цзиньсинь попытался отойти ещё дальше вбок.

— Тогда иди сюда! — Се Линъи рассердился. Шагнув вперёд, он схватил Оуян Цзиньсиня за плечо, намереваясь вытащить наружу.

— Ты что делаешь?! Пустить! — Ощувив мёртвую хватку чужой руки, Оуян Цзиньсинь в ужасе попытался вырваться. Се Линъи не ожидал такого отчаянного сопротивления, на секунду замер, а затем разжал пальцы.

Грохот! Потеряв равновесие, Оуян Цзиньсинь налетел на деревянную стойку, и стоявшие на верхних полках вёдра с водой с шумом обрушились прямо на него, окатив с ног до головы.

От неожиданности все вокруг онемели!

Оуян Цзиньсинь стоял на месте, словно оглушённый. С кончиков его волос и с мокрой одежды непрерывно капала вода. И хотя он понимал, что это была случайность, выражение его лица оставалось мрачным — дождевая вода, попавшая на губы, казалась ещё солонее морской.

— Капитан, вы здесь? Лю Кэ повсюду вас ищет... — в этот момент гробовой тишины в кубрик зашёл Сюэ Уинь. Увидев мокрую сцену, он с удивлением спросил: — Что здесь произошло?

Се Линъи молчал, а Оуян Цзиньсинь и вовсе уткнулся взглядом в мокрый пол.

— Это... капитан он... — не выдержал матрос А-Чжи и тихонько пробормотал.

— Опять обидел капитана? — прямо спросил Сюэ Уинь.

Лицо Се Линъи сделалось свинцово-серым, но спорить он не стал. Так слухи о том, что капитан обидел Оуян Цзиньсиня, разнеслись по всему кораблю...

— А-Чжи говорил мне, что когда глава велел тебе пойти переодеться, капитан ушёл ужасно недовольный. А потом? Капитан больше тебя не звал? — Тянь Фэн продолжал допытываться.

— Нет. — Это и самого Оуян Цзиньсиня приводило в недоумение. Что же такого произошло, раз Се Линъи спустился лично, но больше никаких вестей от него не поступало?

— Эх ты, наверняка где-то накосячил и разозлил капитана, — с уверенностью заявил Тянь Фэн.

— Мне нужно работать, — решив, что спорить с этим парнем, который трепал языком почище самого Цин Пи, себе дороже, Оуян Цзиньсинь собрал чистые бинты и поднял таз.

— Да ладно! Ты опять идёшь возиться с теми четырьмя пиратами? — Тянь Фэн знал, что Оуян Цзиньсинь обычно ходит туда именно в это время.

— Угу, — кивнул Оуян Цзиньсинь и повернулся к выходу.

— Эй, подожди, я с тобой. — Тянь Фэн увязался следом.

Трюм судна тянулся вдоль киля и был разделен на три больших отсека. Поскольку это была самая нижняя палуба корабля, там неизбежно скапливались бытовые стоки и мусор. В обычные дни оттуда и так несло за версту, а сейчас, когда там заперли четверых пиратов, атмосфера стала и вовсе мрачной и зловещей.

В отсеке горел крошечный масляный светильник, размером с горошину, его тусклый огонёк едва заметно дрожал, словно еле дыша.

Тянь Фэн наотрез отказался заходить в сырую, тёмную и вонючую клетку, сбитую из грубых брёвен, и остался ждать у входа, наблюдая, как Оуян Цзиньсинь обрабатывает раны пленных.

— Зачем ты нас спас? — хрипло спросил Гао Цзянь. Это были первые слова, произнесённые им за последние шесть дней.

— Чтобы вы предстали перед судом, — честно ответил Оуян Цзиньсинь.

Гао Цзянь на мгновение замер, а затем издал короткий, глухой смешок, перешедший в приступ кашля. Переведя дыхание, он проговорил: — Надо же... в этом мире ещё встречаются такие чудачки, как ты.

Гао Цзянь искренне не понимал: раз уж их собираются сдать властям, зачем тогда лечить? В народе говорят: убийца должен заплатить своей жизнью. Гао Цзянь шёл на убийства ради наживы и с самого начала был готов к тому, что его казнят.

— Если вы действительно смельчаки, то должны признать совершённые преступления и понести заслуженное наказание, — сказал Оуян Цзиньсинь. Он наклонился, чтобы собрать пузырьки с лекарствами, и бамбуковый тубус с дезинфицирующим порошком из желчного пузыря коровы покатился по полу. Протянув руку, он случайно задел протянутую руку Гао Цзяня.

— Эй! Ты что делаешь?! Руки прочь! — тут же прикрикнул Тянь Фэн.

— Я просто подбираю вещь, не нервничай ты так, — бросил Гао Цзянь Тянь Фэну.

Оуян Цзиньсинь посмотрел на избитое лицо Гао Цзяня, молча принял из его рук тубус, убрал его в белую льняную сумку и вместе с Тянь Фэном покинул темницу.

— Кх-а! — едва они ушли, Гао Цзянь и остальные трое пиратов одновременно скривились в лицах от боли, словно попали в адские муки.

— Проклятье! — Даже если бы он действительно захотел взять Оуян Цзиньсиня в заложники, с его нынешним слабым телом это было просто невозможно! Тот прекрасный как цветок судовой лекарь владел какой-то странной, жуткой техникой: каждые два часа во всех ста восьми акупунктурных точках их тел начиналась невыносимая боль!

Когда приступы становились особенно сильными, хотелось лишь одного — разmozжить себе голову о стену и умереть!

Но больше всего Гао Цзяня пугало другое: мужчина, который только что стоял в косом полумраке угла напротив тюремной решётки. Оуян Цзиньсинь, казалось, так ничего и не заметил, но каждый раз, когда он приходил их лечить, этот мужчина неизменно следовал за ним тенью.

Се Линъи... Тот самый человек, который четыре года назад без малейших усилий уничтожил их пиратскую бандгруппу. Даже находясь далеко, Гао Цзянь не смел смотреть прямо на исходящую от него леденящую душу ауру.

До сих пор они понятия не имели, кем был этот мужчина. Поначалу они планировали сжечь корабль и сжечь его вместе с ними, но теперь стало очевидно — им бы собственные шкуры спасти.

— Признать вину? Эх, похоже, мы и впрямь проиграли тому человеку. — Посмотрев на тщательно перевязанные бинтами раны на груди, Гао Цзянь закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/21151/2144311>